

2004

Они не ездят на пикапе, разве что один-два раза в год, за дровами. Он стоит чуть выше по склону, возле дровника, в глубоких вмятинах на капоте скапливается дождевая вода, а в ней плавают личинки комаров. Так повелось, когда Уэйд был женат на Дженни, и ничего не изменилось, когда он женился на Энн.

Энн иногда приходит сюда посидеть в пикапе. Но только если Уэйд занят, чтобы он не заметил, что ее нет. Сегодня она пришла якобы за дровами, волоча синие санки по грязи, и траве, и полосам снега. Дровник стоит недалеко от дома, но сосновая роща скрывает его из вида. Она чувствует себя посторонней, будто все это не предназначено для ее глаз.

Пикап припаркован на редком клочке плоской земли, неожиданная ступень, вырезанная в горном склоне. Вокруг него тут и там, в снегу и в траве, разбросаны кирпичи. У деревьев валяются катушки с искореженной проволокой. С длинной ветки лиственницы, колыхаясь,

свисают две толстые веревки, которые когда-то были соединены доской, — детские качели.

На дворе стоит март, солнечный и холодный. Энн садится в водительское кресло и тихонько захлопывает дверцу. Она пристегивается, опускает стекло, и на штанину падают капли воды. Она касается каплей пальцем и мысленно проводит между ними линии, соединяя в рисунок. Похоже на мышку или, вернее, на мышку, нарисованную детской рукой, с треугольной мордой и длинным загогулистым хвостом. Девять лет назад, когда Уэйд еще был женат на Дженни и обе его дочери еще были живы, по выхлопной трубе в моторный отсек забралась мышь и устроила на коллекторе гнездо. Не странно ли, что Уэйд наверняка помнит эту мышь, помнит, как она шуршала под капотом, но при этом не помнит, как зовут его первую жену. Так, во всяком случае, иногда кажется. Но мышь — мышь в его памяти еще как жива.

Через несколько лет после свадьбы Энн случайно нашла в ящике с инструментами на верхней полке чулана перчатки из оленьей кожи. Они были куда приятнее рабочих перчаток Уэйда и могли бы сойти за новые, если бы не въевшийся запах гари. Так она узнала про мышь. Она спросила, почему он держит в чулане такие хорошие перчатки. Уэйд ответил, что хочет сохранить запах.

Запах чего?

Запах подпаленного мышинового гнезда.

Последний запах в волосах его дочери.

Уэйд уже давно ничего такого не рассказывал. Он перестал делиться с ней подробностями дочкиной смерти, когда увидел, как сильно она за них цепляется. Он

думает, она забыла о перчатках, столько лет прошло. Но она не забыла. Он хранит их наверху, у себя в кабинете, в шкафу с документами. Она как-то раз приоткрыла ящик, и перчатки лежали там.

Мышь, вероятно, провела под капотом всю зиму в тот последний год, когда Уэйд и Дженни были вместе, Мэй была жива, а Джун ничто не угрожало. Энн представляет, как мышь снует туда-сюда по снегу между пикапом и амбаром, таская пучки сена, или утеплителя, или набивки из собачьих подстилок, как ее гнездо разрастается и как по весне у нее появляются малыши. Некоторые малыши долго не протянули, и гнездо впитало их в себя, мелкие косточки — что соломинки. Прибегали сюда и другие мыши; если прижать ухо к капоту, слышно было их возню. Девочкам нравилось это делать.

Во всяком случае, так представляет себе Энн.

Одним августовским днем вся семья села в пикап. Уэйд за рулем, где сейчас сидит Энн, Дженни рядом, их дочери, Джун и Мэй, девяти и шести лет, ютились сзади, с графином лимонада и пенопластовыми стаканчиками, на которых они ногтями корябали рисунки. Им наверняка хотелось поехать в открытом кузове, но мама сказала, что на шоссе это опасно. Вот они и сидели в салоне друг напротив друга, спинами к окнам, стучаясь коленками и переругиваясь.

О мышах они и думать забыли. Поначалу, медленно катясь по проселкам, они ничего не замечали. Но стоило выехать на шоссе в Пондеросе — так называется их город, — как всю машину заполнил гнилой душок вперемешку с запахом паленого меха, плоти и семян, шкворчавших на раскаленном моторе, и вскоре

уже девочки, кашляя и хохоча, высовывали из окон веснушчатые носы.

Они целый час ехали с опущенными стеклами, вдыхая этот запах, ехали через Не-Вэлли, мимо Атола и Кэривода, а дальше — долгой дорогой почти до самой вершины горы Лёй*, где их уже поджидали колотые и сложенные штабелями березовые дрова. Одежда и волосы, перчатки Уэйда — все насквозь пропиталось гарью. Энн представляет Джун и Мэй. Они сидят на солнце, пока мама закатывает поленья в кузов, а папа укладывает их рядками. Привалившись к шинам пикапа, девочки бьют слепней, садящихся им на ноги, и поливают землю лимонадом.

Запах был и на обратном пути. Единственная константа. Он соединяет две вещи в сознании Энн, которые иначе никак не соединить, — поездку туда и поездку обратно. Ради этого она сюда и приходит — попытаться осмыслить тот самый обратный путь.

Прежде чем отправиться за помощью, Уэйду нужно было учесть массу мелочей. Чисто практических. Поднять откидной борт кузова, например, чтобы оттуда не выкатились дрова. Не забыть повернуть ручкуверху — без этой хитрости кузов не закроешь — и надавить. Он не забыл, его пальцы сделали все как надо в разгар самого страшного кошмара — и Энн любит его за то, что он такой. Возможно, однажды из его памяти изгладится все, кроме хитрости с кузовом, и Энн будет по-прежнему его любить.

На обратном пути они легко могли потеряться, как потерялись по пути туда. Могло ли хоть что-нибудь вы-

* От фр. *l'œil* — «глаз». — *Здесь и далее примеч. перев.*

глядеть знакомо? Узкие, поросшие травой дороги. Самодельные дорожные знаки, прибитые к стволам деревьев, — просто невероятно, что часом раньше он их разглядывал. Все в этой истории невероятно. Летнее небо, хруст веток под колесами. Запахи машинного масла и жи-молости. Дыхание Дженни на стекле.

Энн пришлось самой все додумывать — все, кроме горстки подробностей, которые она узнала от Уэйда или слышала в новостях. На первых порах она изо всех сил избегала радио и телевизора, чтобы история была известна ей только со слов Уэйда. Что он захочет рассказать, она сохранит. А искать себе не позволит; не позволит и спрашивать.

Но теперь все изменилось, ведь Уэйд начал забывать. Ей хочется спросить, пока память не оставила его, разговаривали ли они с Дженни. Куда смотрела Дженни — в окно или прямо перед собой? Или, может, на него?

В какой момент он сорвал зеркало заднего вида?

Нет, говорит себе Энн, дело даже не в поездке обратно. А в том, как он вообще смог залезть в машину. Открыть дверцу и сесть за руль. Рядом Дженни со стаканчиком лимонада в трясущейся руке — а может, рука не тряслась, может, она была неподвижна. Может, стаканчик был пуст. Может, лимонад пролился ей на брюки, оставив мокрые пятна, как сейчас на брюках у Энн, безобидный рисунок, какой нарисовала бы девочка на заднем сиденье.

Энн пробегает рукой по приборной панели — на ладони влажная мягкость прошлогодней пыльцы. В салоне пикапа все теперь на прежних местах. Зеркало приклеили обратно и повесили на него «ловец снов»